

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.182.1.122-130

И. Н. Тарасов*

Проблемы правового регулирования на примере понятия «искусственный интеллект»

Аннотация. Количество использований словосочетания «искусственный интеллект» в настоящее время и в науке, и в правовом регулировании делает невозможным небрежное и произвольное применение данной категории при осуществлении регулирования общественных отношений. Именно данное обстоятельство вынуждает обратиться к проблемам понятийно-категориального аппарата и правового регулирования данной категории. В статье автор проанализировал существующие подходы к понятию искусственного интеллекта, представленные в юридической литературе. Автор показывает, что генезис любого понятия в праве и вне его связан прежде всего с нашими знаниями об объекте, и делает выводы о невозможности рассуждения об искусственном интеллекте в праве до тех пор, пока ему не будет дано четкое определение в технических областях науки.

Автор приходит к выводу, что инкорпорация искусственного интеллекта в онтологию права возможна в рамках двух основных подходов. Концептуалистский подход предполагает осмысление свойств и знаний об искусственном интеллекте как объекте реального мира и последующее выведение правовой дефиниции исходя из данных знаний об объекте. Нормативный подход базируется на том, что законодателем будет присвоен искусственному интеллекту некий правовой статус безотносительно к его фактическим свойствам и характеристикам (по аналогии с присвоением статуса недвижимости воздушным и морским судам). Вместе с тем без определения подхода, без анализа свойств и характеристик искусственного интеллекта как технико-культурного явления обсуждения о превентивном регулировании являются, по мнению автора, бездоказательными и не основанными ни на науке, ни на праве.

Ключевые слова: искусственный интеллект; разрешение споров; арбитраж; информационные технологии; гражданский процесс; правовое регулирование; понятийно-категориальный аппарат.

Для цитирования: Тарасов И. Н. Проблемы правового регулирования на примере понятия «искусственный интеллект» // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 1. — С. 122–130. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.182.1.122-130.

Problems of Legal Regulation as in the Case of the Concept of “Artificial Intelligence”

Igor N. Tarasov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Ural State Law University
ul. Komsomolskaya, d. 21, Ekaterinburg, Russia, 620137
tarasov.igor.n@gmail.com

Abstract. Numerous uses of the phrase “artificial intelligence” both in science and in legal regulation makes it impossible to carelessly and arbitrarily use this category when regulating public relations. It is this circumstance that forces us to address the problems of the conceptual and categorical apparatus and legal regulation of this category. In the paper, the author analyzes the existing approaches to the concept of artificial intelligence presented in the legal literature. The author shows that the genesis of any concept in law and outside of it is primarily related to our knowledge of the object, and concludes that it is impossible to reason about artificial intelligence in law until it is clearly defined in the technical fields of science.

© Тарасов И. Н., 2022

* Тарасов Игорь Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137
tarasov.igor.n@gmail.com

The author concludes that the incorporation of artificial intelligence into the ontology of law is possible within the framework of two main approaches. The conceptualist approach involves understanding the properties and knowledge about artificial intelligence as an object of the real world and the subsequent derivation of a legal definition based on this knowledge about the object. The regulatory approach is attributed to the fact that the legislator will assign artificial intelligence a certain legal status regardless of its actual properties and characteristics (by analogy with the assignment of real estate status to aircraft and ships). At the same time, without defining the approach, without analyzing the properties and characteristics of artificial intelligence as a technical and cultural phenomenon, discussions about preventive regulation are, in the author's opinion, unfounded and not based on either science or law.

Keywords: artificial intelligence; dispute resolution; arbitration; information technology; civil procedure; legal regulation; conceptual and categorical apparatus.

Cite as: Tarasov I.N. Problemy pravovogo regulirovaniya na primere ponyatiya "iskusstvennyy intellekt" [Problems of Legal Regulation as in the Case of the Concept of "Artificial Intelligence"]. *Lex russica*. 2022;75(1):122-130. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.182.1.122-130. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Формальная определенность является одним из имманентных атрибутов как права в целом, так и нормативно задаваемой процессуальной формы в частности.

Данное свойство предполагает, что регулирование, осуществляемое через семиотические единицы (понятия, определения, термины, юридические конструкции и т.п.), должно быть максимально однозначным и необходимо определенным. Именно данные семантические единицы представляют собой отдельные элементы правового регулирования.

Важно отметить, что, по нашему мнению, элементом является не только семантическая составляющая, но и знаково-символьная, поскольку разрыв между знаком и смыслом означает отсутствие правового регулирования.

1. 0 понятия в праве

Каждое понятие в праве наделено или стремится к наделению его определенностью использования. Проявление большинства понятий в праве происходит через определение.

Прежде всего необходимо, с нашей точки зрения, отметить, что понятие представляет собой выражение сущности какого-либо явления. Можно сказать, что понятие есть не что иное, как отражение всеобщего и существенного в предметах. Понятие выступает как средство и результат научного мышления. Данное средство и результат эволюционирует в понятийной

форме и являет собой квинтэссенцию знаний о предмете.

Категории, с нашей точки зрения, следует рассматривать как наиболее общие понятия, которые также атрибутируют объект исследования. При этом необходимо понимать, что степень (граница) обобщения категорий должна быть лимитирована границами самого объекта.

Представляется правильным полагать, что категории выступают средством систематизации и упорядочивания уже полученных знаний о том или ином объекте.

Определение же указывает на границы применения понятия путем перечисления существенных признаков, без которых существо данного понятия невозможно установить.

«Изучая правовые категории, мы исследуем не саму правовую форму общественной жизни, а накопленные юридической наукой знания о ней, систему понятий, достоверно отражающую правовую действительность и объективную логику ее функционирования и развития»¹.

Понятия в праве могут формироваться тремя основными способами:

- 1) быть результатом профессиональной рефлексии, когда понятие вырабатывается и ему присваивается знак (термин) на основании осмысления представителями профессии процессов, происходящих в праве;
- 2) быть заимствованным из иных отраслей общественной жизни с изменением содержания понятия;
- 3) быть заимствованным из иных сфер жизни общества без изменения содержания понятия².

¹ Васильев А. М. Правовые категории. М. : Юрид. лит., 1976. С. 43.

² См. подробнее: Тарасов И. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 158–176.

Необходимо помнить, что, говоря о заимствованных понятиях, которые при включении их в новые культурные области претерпевают содержательные изменения, мы прежде всего рассматриваем вопрос о новом смысловом и коннотационном содержании некой языковой единицы.

При этом процесс включения (заимствования) лексической единицы языка в новую для нее систему профессиональной лексики не столько являет собой придание нового содержания слову (знаку), сколько предполагает когерентность (гармонизацию) заимствованной лексической единицы с составляющими базис профессиональной сферы понятиями и категориями.

Более того, подобное заимствование предполагает достаточно серьезную переработку смысла семантической единицы, который выражается в определении, построенном по правилам юридического мышления.

Данная трансформация и наполнение обновленным смыслом на текущем этапе эволюции права, как правило, приводит к тому, что формируемое юридическое понятие является корректным и когерентным, что прослеживается через определение нового явления. И, безусловно, данное определение включается в ткань профессионального категориального аппарата с учетом его атрибутов.

При условии отсутствия четкого представления о содержании *юридического* понятия «искусственный интеллект» (далее — ИИ) и максимально детальной теоретической проработки можно утверждать, что правовое регулирование создания и использования ИИ в судебном процессе или любых иных областях если и может быть удачным (т.е. приводящим к необходимому результату в регулировании), то только случайно.

2. Определение искусственного интеллекта

Рассматривая подходы к ИИ, прежде всего следует обратить внимание на подход к данному понятию, предлагаемый властными структу-

рами. Этот подход реализован в Указе Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»³, согласно которому ИИ — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе такое, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Представляется очевидным и бесспорным то обстоятельство, что легальное определение, приведенное выше, по своему характеру, атрибутивным (обязательным) признакам может быть охарактеризовано как естественнонаучное, поскольку содержит ряд признаков и характеристик искусственного интеллекта, которые не могут быть отнесены к категориям юридического порядка.

Также обращает на себя внимание, что приведенное определение не содержит референции или отсылки к той или иной юридической конструкции, соотнесение с которой позволило бы определить подход законодателя к положению (в рамках какой-либо классификации или типологии) ИИ в системе права.

Все вышеперечисленное позволяет сделать вывод об отсутствии в легальном определении элементов юридической модели, а также позволяет заключить, что данное определение является декларативным обозначением технических свойств предмета регулирования.

По состоянию на сегодняшний день в литературе заявлено множество различных определений ИИ. Некоторые из них являются дескриптивными в техническом зале⁴.

Объединяющей чертой и одновременно существенным недостатком всех определений, которые авторы предлагали или клали в основу своих рассуждений, на наш взгляд, является

³ СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См., например: Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2018. Т. 22. № 1. С. 94–95; Закиров Р. Ф. Использование современных IT-технологий как средство достижения основных задач судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 214; Харитонов Ю. С. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта // Современные информационные технологии и

сугубо неюридический (технический) характер всех атрибутов, перечисленных в определениях.

Иными словами, данные определения сформулированы не в рамках правовой модели отражения явления, а в рамках правил, понятий и терминов технической стороны данного явления.

Это и является причиной того, что приведенные выше определения не меняют картины юридического восприятия ИИ, не отражают природы и сущности ИИ с точки зрения науки юриспруденции. Данным определениям не присуще какое-либо отношение описываемого явления к праву, а следовательно, данное определение безразлично для права и не может служить основанием для каких-либо последующих выводов или анализа.

Кроме технических подходов к пониманию ИИ, в литературе можно встретить и точки зрения, которые объединены одним или несколькими атрибутами. Для удобства анализа данные подходы сведены в группы.

2.1. Первый подход заключается в том, чтобы рассматривать ИИ по аналогии с юридическим лицом как некую юридическую фикцию.

По мнению ряда авторов⁵, данный подход является одним из наиболее перспективных и обоснованных. Суть подхода заключается в применении к ИИ теории фикции юридического лица с некоторыми доработками, с учетом особенностей ИИ.

Как указывают В. В. Архипов и В. Б. Наумов, данный подход предполагает выборочное применение по аналогии положений гражданского права, касающихся правового регулирования отношений с участием юридических лиц, к правовому регулированию роботов⁶. Они отмечают, что основанием для такой аналогии выступает искусственность природы и юридических лиц, и роботов.

Думается, что авторы сравнивают красное с четвергом, ибо искусственность роботов и искусственность юридических лиц (к слову, вообще вызывающая сомнения) — это совершенно разные понятия. Не совсем ясно, что именно подразумевается под данным подходом, поскольку такая формулировка является, на наш взгляд, совершенно беспредметной. Определенно можно вывести из такого подхода только одно: авторы предлагают наделить ИИ статусом субъекта правоотношений.

Авторы считают, что для определения правоспособности того или иного субъекта права требуется выявить наличие или отсутствие у него воли на совершение значимых для правового регулирования действий. Говоря о применении данных понятий к роботам, наделенным, как предполагается, развитым ИИ, а также автономностью, они утверждают, что такие системы имеют волю в гражданско-правовом смысле⁷.

Данный подход, обеспеченный такой аргументацией, демонстрирует совершенную несостоятельность, поскольку предлагается воспринимать ИИ как разновидность юридического лица, но при этом в основании лежит фактор воли, который а) не имеет отношения к юридическим лицам от слова «совсем»; б) не является определяющим даже для определения правосубъектности физического лица, не говоря уже о том, что воля есть и у животных (например, собак), однако при этом они почему-то не относятся к субъектам права.

2.2. Второй подход предлагает рассматривать ИИ как агента (электронное лицо)⁸.

Данный подход заключается в моделировании особой правовой конструкции, подразумевающей, что электронное лицо будет обладать субъективными правами и юридическими обязанностями, являться совокупностью таких прав

право : монография. М. : Статут, 2019. С. 68–83 ; *Лаптев В. А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2019. № 2.

⁵ См., например: *Архипов В. В., Наумов В. Б.* О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // *Закон.* 2017. № 5. С. 157–170 ; *Ястребов О. А.* Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // *Труды Института государства и права РАН.* 2018. Т. 13. № 2. С. 36–55 ; *Морхат П. М.* Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция».* 2018. № 2. С. 61–73.

⁶ *Архипов В. В., Наумов В. Б.* Указ. соч. С. 165.

⁷ *Архипов В. В., Наумов В. Б.* Указ. соч. С. 160.

⁸ См., например: *Ирискина Е. Н., Беляков К. О.* Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // *Гуманитарная информатика.* 2016. Вып. 10. С. 63–72 ; *Морхат П. М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ...

и обязанностей, содержанием которых являются действия самого ИИ⁹.

В рамках этого подхода, очевидно, подразумевается, что данная категория относительно нового субъекта права должна отражать его сущность и правовую специфику.

Так, О. А. Ястребов полагает, что необходимо рассматривать ИИ как некоторый базовый элемент электронного лица, что, в свою очередь, предопределяет возможность применения данной идеи для определения правового положения роботов¹⁰.

По мнению авторов, специфика электронных лиц (а именно трудность локализации их юридически значимого поведения) детерминирует необходимость формирования принципиально нового инструментария правового регулирования, а для реализации этого подхода на практике не придется создавать и вводить в систему права новый массив законодательного регулирования, так как отношения с участием юридических лиц уже имеют достаточно детальную правовую регламентацию в действующем законодательстве.

Поскольку робот-агент способен выполнять разнообразные функции, необходимые для достижения целей разработчиков ИИ, можно утверждать, что он в целом предстает как действующее лицо, к которому применимо законодательство и на которое возлагается обязанность, которую он может как исполнить, так и не исполнить¹¹.

Данное обстоятельство позволяет задаться вопросом об ответственности за неисполнение обязанности и о том, кто будет выступать субъектом такой ответственности: сам робот-агент (как юридическое или электронное лицо) или разработчик технологии и алгоритма, на основании которых робот совершает свои действия.

П. М. Морхат считает вполне целесообразным признание за ИИ правосубъектности, а новая концепция электронного лица позволяет реализовать это.

Наделение юнитов искусственного интеллекта правосубъектностью, как полагает автор,

приведет к тому, что такие устройства (юниты) будут иметь правовой статус, т.е. совокупность прав и обязанностей. При этом цель надления актора правосубъектностью, по мнению автора, заключается в том, чтобы обеспечить возможность наступления определенных правовых последствий действий данного лица и ощущать на себе воздействие правовой системы¹².

При анализе данного подхода прежде всего возникает вопрос: а для чего предлагается введение новой конструкции в виде электронного лица? Авторы апеллируют к тому, что ряд условий и фикций уже используется правом — так почему бы не взять и не ввести еще одну?

Однако создание конструкции юридического лица является результатом многолетнего осмысления права применительно к изменившимся экономическим условиям.

Как указывал Г. Ф. Шершеневич, именно благодаря юридическому лицу обособляются интересы, общие для многих физических лиц, а также юридические средства их удовлетворения; созданием такого лица (юридического) не только спасается стройность юридических понятий, но и облегчается достижение той жизненной потребности, для которой имущества обособляются¹³.

Принятие теории фикции юридического лица имело прямую экономическую цель и позволило праву лучше регулировать развивающиеся без его прямого участия экономические отношения.

Не следует забывать, что в науке права существует телеологический подход, согласно которому необходимо анализировать цель, с которой мы вводим то или иное понятие.

При формировании в праве категории мы вполне можем прийти к выводу и о том, что эта категория избыточна, поскольку функцию регулирования данного направления уже выполняет другая категория или конструкция.

Кроме того, важным для обсуждения и формирования понятия является момент изменения в правовом регулировании. Каким образом

д-ра юрид. наук. М., 2018 ; *Сесицкий Е. П.* Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами ИИ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018 ; *Архипов В. В., Наумов В. Б.* Указ. соч. С. 157–170 ; *Гурко А.* Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 7–18.

⁹ Ястребов О. А. Указ. соч. С. 36.

¹⁰ Ястребов О. А. Указ. соч. С. 40.

¹¹ Ястребов О. А. Указ. соч. С. 36.

¹² Морхат П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо. С. 62–63.

¹³ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М. : Спарк, 1995. По изд. 1907 г. С. 90.

изменится правовое регулирование при введении понятия ИИ?

Полагаем, чтобы ответить на данный вопрос, мы прежде всего должны четко представлять, что именно мы регулируем, а это требует четкого технического описания ИИ как явления и его деятельности.

Использование некоторого знания и, следовательно, формирование понятия возможно в том случае, если мы анализируем деятельность, связанную с образованием этого знания.

Все приведенные выше определения и описанные подходы к пониманию ИИ имеют отношение к социологическим методам в праве, реализация которых связана не только (и не столько) с ориентацией на нормы права, но и в значительной мере с учетом экономических, политических, конъюнктурных и психологических факторов, которые должны влиять на регулирование или разрешение той или иной ситуации.

Подобный социологический подход более всего характерен для стран с системой общего прецедентного (англосаксонского) права. Нельзя сказать, что данные методы и базисы, лежащие в основе правового регулирования англосаксонской системы права, носят негативный характер, однако, как справедливо указывал С. С. Алексеев, «“социологические” ориентации в юриспруденции... приводят к тому, что в какой-то мере теряется *само явление права*»¹⁴.

Иными словами, данные подходы могут отражать какой-то один аспект данного явления, но это отражение не может рассматриваться с точки зрения использования его как основы для построения правового регулирования.

Романо-германская же семья правовых систем более склонна к детальной, фрагментарной проработке и выявлению содержания, смысла юридических норм, констатации существенных черт, особенностей и принципов взаимодействия. Все это позволило создать единый понятийно-категориальный аппарат явления правовой действительности.

3. О генезисе понятия и определения

О генезисе понятия и его связи с определением подробно писал Г. П. Щедровицкий, именно его подход к данному вопросу представляется наиболее обоснованным.

Понятие есть общие знания о чем-либо; под общими в данном случае подразумевается множество знаний о каком-то предмете, и эти знания о предмете совпадают.

Понятие возникает только тогда, когда имеется некоторая совокупность объектов, в отношении которой нами производится анализ наличия или отсутствия признаков А и В в каждом анализируемом объекте, а также имеет место фиксация некоторого общего знания о том, что А есть В. *Так возникает знание об объекте.*

Для того чтобы данное знание преобразовалось в понятие, необходимо формирование общей формальной связки. Формальной данная связка именуется по причине того, что она оторвана от объекта, а общей — поскольку в ходе формирования связки производится проверка наличия данной связки в каждом элементе.

И только тогда мы можем говорить о формировании понятия.

Таким образом, чтобы мы могли рассуждать как юристы или даже просто обыватели относительно ИИ (презюмируя, что юристы не являются определяющими специалистами в области ИИ), нам необходимо существование ИИ, о котором мы могли бы формировать общие, единые для каждого наблюдателя знания.

Когда мы установим, что всем ИИ свойственны признаки А, В, С, тогда мы получим знание о реальном объекте — ИИ. А когда данное знание будет оторвано от объекта (распремечено) и будет установлена связь с каждым элементом знания, тогда мы сможем говорить о формировании понятия ИИ.

После формирования понятия мы сможем перейти к формулированию определения ИИ и осмыслению места ИИ в ткани права.

В данном случае мы умышленно говорим о том, что формируется именно определение понятия ИИ, а не определение самого ИИ, поскольку знание отличительных свойств предметов означает владение именно понятиями об определяемых предметах, и это приводит к выводу о том, что мы даем определение именно понятию ИИ.

Определение следует воспринимать не только как процесс выработки подхода к понятию, но и как его результат, часто именуемый дефиницией.

В дефиниции то, что определяется, принято именовать дефиниендумом, а то, посредством

¹⁴ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 9.

чего происходит определение, — дефиниенсом¹⁵.

В логике принято разделять все определения на номинальные и реальные.

В номинальных определениях указывается на значение, смысл термина. Номинальные определения, как правило, используются для уточнения уже введенного в язык науки или естественный язык термина.

Таким образом, в номинальном определении дефиниендумом (тем, что определяется) будет «термин в функции его упоминания»¹⁶. В реальном же определяется сам предмет, иными словами, посредством реального определения происходит отделение интересующего нас объекта от иных объектов в соответствующей области.

Таким образом, в реальном определении дефиниендумом (тем, что определяется) будет «объект (реальный, абстрактный или воображаемый), поскольку термин, соответствующий этому объекту, употреблен в функции его использования»¹⁷.

Представляется бесспорным, что на данном этапе существования ИИ первичной задачей, когда мы говорим о формировании определения ИИ, является возможность определить ИИ в массе сходных объектов, то есть необходимо формулирование именно реального определения.

Как справедливо указывал В. С. Нерсисянц, «в процессе научного изучения исходные эмпирические знания об объекте дополняются теоретическими знаниями, т.е. системой понятий об основных сущностных свойствах, признаках и характеристиках исследуемого объекта, о закономерностях его генезиса, функционирования и развития. Научное (теоретическое) познание тем самым представляет собой творческий процесс глубинного постижения изучаемого объекта в мышлении, в создании его мысленного образа (модели) в виде определенной системы понятий о сущностных свойствах данного объекта»¹⁸.

Думается, что объектом для анализа науки права и правового регулирования в целом первоначально может выступать определение, которое будет сформулировано не юристами, а специалистами в области ИИ.

Такое определение позволило бы получить представление о фактических свойствах и характеристиках анализируемого для целей правового регулирования и науки права явления, а в дальнейшем позволило бы выработать юридическую дефиницию и понимание ИИ посредством использования существующих гносеологических инструментов науки права.

Выводы о возникновении понятия

Одна из проблем инкорпорации ИИ в существующее право заключается в том, что ИИ не работает с содержанием понятий и категорий, что исключает возможность работы в праве, поскольку текущая модель построена во многом на содержательном (смысловом) соотношении понятий.

Большая часть определений и подходов, предлагаемых в юридической литературе, представляет собой либо перечисление отдельных технических характеристик, данных неспециалистами в области ИИ (юристами), либо попытку формирования юридических конструкций без учета специфики анализируемого явления.

Подобная небрежность в подходах приводит, на наш взгляд, или к бессмысленному сравнению разнопорядковых и разнообъемных категорий, что исключает возможность верифицируемых и достоверных выводов, или к формированию предложений по правовому регулированию ИИ без осмысления цели правового регулирования, а исключительно для того, чтобы «придумать что-то» в связи с появлением незнакомой авторам категории ИИ.

На наш взгляд, инкорпорация ИИ в онтологию права возможна в рамках двух основных подходов:

- 1) концептуалистского — при осмыслении свойств и знаний об ИИ как объекте реального мира с последующим выведением правовой дефиниции именно исходя из данных знаний об объекте;
- 2) нормативного — когда законодателем будет присвоен ИИ некий правовой статус безотносительно к его фактическим свойствам и характеристикам (по аналогии с присвое-

¹⁵ См. подробнее: Горский Д. П. Определение. М., 1974. С. 5–16.

¹⁶ Горский Д. П. Указ. соч. С. 15.

¹⁷ Горский Д. П. Указ. соч.

¹⁸ Нерсисянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1998. С. 58.

нием статуса недвижимости воздушным и морским судам).
Однако без определения подхода, без анализа свойств и характеристик ИИ как технико-культурного явления суждения о превентивном регулировании являются, мягко говоря, бездоказательными и не основанными ни на науке, ни на праве.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С., Восхождение к праву. Поиски и решения. — М., 2001.
2. Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. — 2017. — № 5. — С. 157–170.
3. Васильев А. М. Правовые категории. — М. : Юрид. лит., 1976.
4. Горский Д. П. Определение (логико-методологические проблемы). — М., 1974.
5. Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2017. — № 12. — С. 7–18.
6. Закиров Р. Ф. Использование современных IT-технологий как средство достижения основных задач судопроизводства // Вестник гражданского процесса. — 2018. — № 1. — С. 211–219.
7. Ирискина Е. Н., Беляков К. О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. — 2016. — Вып. 10. — С. 63–72.
8. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — № 2. — С. 79–102.
9. Морхат П. М. Правосубъектность ИИ в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2018.
10. Морхат П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». — 2018. — № 2. — С. 61–73.
11. Нерсисянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. — М., 1998.
12. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». — 2018. — Т. 22. — № 1. — С. 91–109.
13. Сесицкий Е. П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами ИИ : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2018.
14. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. — Екатеринбург, 2001.
15. Харитонова Ю. С. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта. Современные информационные технологии и право : монография. — М. : Статут, 2019.
16. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. — М. : Спарк, 1995. — 556 с. — По изд. 1907 г.
17. Щердровицкий Г. П. Избранные труды. — М. : Школа культурной политики, 1995.
18. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. — 2018. — № 2. — С. 36–55.

Материал поступил в редакцию 23 сентября 2021 г.

REFERENCES

1. Alekseev SS. Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya [Ascent to the law. Searches and solutions]. Moscow; 2001. (In Russ.).
2. Arkhipov VV, Naumov VB. O nekotorykh voprosakh teoreticheskikh osnovaniy razvitiya zakonodatelstva o robototekhnike: aspekty voli i pravosubektnosti [On some issues of the theoretical foundations of the development of legislation on robotics: Aspects of will and legal personality]. *Zakon [Law]*. 2017;5:157-170. (In Russ.).
3. Vasiliev AM. Pravovye kategorii [Legal categories]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1976. (In Russ.).
4. Gorskiy DP. Opredelenie (logiko-metodologicheskie problemy) [Definition (logical and methodological problems)]. Moscow; 1974. (In Russ.).

5. Gurko A. Iskusstvennyy intellekt i avtorskoe pravo: vzglyad v budushchee [Artificial intelligence and copyright: A look into the future]. *Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava [Intellectual property. Copyright and related rights]*. 2017;12:7-18. (In Russ.).
6. Zakirov RF. Ispolzovanie sovremennykh IT-tekhnologiy kak sredstvo dostizheniya osnovnykh zadach sudoproizvodstva [The use of modern IT-technologies as a means of achieving the main objectives of the proceedings]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa [Herald of Civil Procedure]*. 2018;1:211-219. (In Russ.).
7. Iriskina EN, Belyakov KO. Pravovye aspekty grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti za prichinenie vreda deystviyami robota kak kvazisubekta grazhdansko-pravovykh otnosheniy [Legal aspects of civil liability for harm caused by the actions of a robot as a quasi-subject of civil law relations]. *Gumanitarnaya informatika*. 2016;10:63-72. (In Russ.).
8. Laptev VA. Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost za ego rabotu [The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its operation]. *Pravo. Zhurla VShE [Law. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]*. 2019;2:79-102. (In Russ.).
9. Morhat PM. Pravosubektnost iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektualnoy sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: dis. ... d-ra yurid. nauk [The legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: Civil law problems. Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Moscow; 2018. (In Russ.).
10. Morhat PM. Yunit iskusstvennogo intellekta kak elektronnoe litso [Artificial Intelligence unit as an electronic entity]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Yurisprudentsiya" [Bulletin of the Moscow State Region University. Series "Jurisprudence"]*. 2018;2:61-73. (In Russ.).
11. Nersesyants VS. Yurisprudentsiya. Vvedenie v kurs obshchey teorii prava i gosudarstva [Jurisprudence. Introduction to the course of general theory of law and the state]. Moscow; 1998. (In Russ.).
12. Ponkin IV, Redkina AI. Iskusstvennyy intellekt s tochki zreniya prava [Artificial intelligence from the point of view of law]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki [RUDN Journal of Law. Series: Legal Sciences]*. 2018;1(22):91-109. (In Russ.).
13. Sesitskiy EP. Problemy pravovoy okhrany rezultatov, sozdavaemykh sistemami II: dis. ... kand. yurid. nauk [Problems of legal protection of results created by AI systems. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2018. (In Russ.).
14. Tarasov NN. Metodologicheskie problemy yuridicheskoy nauki [Methodological problems of legal science]. Ekaterinburg; 2001. (In Russ.).
15. Kharitonova YuS. Pravovoy rezhim rezultatov deyatel'nosti iskusstvennogo intellekta. Sovremennye informatsionnye tekhnologii i pravo: monografiya [The legal regime of the results of artificial intelligence. Modern information technologies and law: A monograph]. Moscow: Statut; 2019. (In Russ.).
16. Shershenevich GF. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Textbook of Russian civil law]. Moscow: Spark; 1995. (In Russ.).
17. Shcherdrovitskiy GP. Izbrannye trudy [Selected works]. Moscow: Shkola kulturnoy politiki; 1995. (In Russ.).
18. Yastrebov OA. Pravosubektnost elektronnoy litsa: teoretiko-metodologicheskie podkhody [Legal personality of an electronic person: theoretical and methodological approaches]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 2018;13(2):36-55. (In Russ.).